

**Русский архив. Историко-
литературный сборник**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 548 с.

ISBN 978-5-458-37047-9

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартнев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартнев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартнева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартнев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартнева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартнева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-37047-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

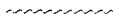
www.samizday.ru/reprint

РУССКОЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартечевымъ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРИБЛИЖЕНІИ ВОР., Д. ШИЛОВИ,

1876.

Перепечатка статей и исторических бумаг изъ Русскаго Архива, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія съ издателемъ.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БОБРИНСКОЙ И ЕГО БУМАГИ.

Нижеслѣдующія бумаги важны для насъ потому, что онѣ служатъ отчасти къ разъясненію любопытнѣйшей стороны въ жизни императрицы Екатерины II-й, именно ея отношеній къ графу А. Г. Бобринскому. Для отстраненія пустыхъ анекдотовъ и невѣрныхъ по сему разглашеній, мы должны собирать положительныя извѣстія о личности близкаго къ Екатеринѣ челоуѣка, и при томъ въ видахъ психологическаго изученія необыкновенной женщины, которую судьба ставила иногда въ положенія безъисходныя. Въ одномъ письмѣ къ В. И. Суворову (Сборникъ Имп. Р. Истор. Общ. VII, 293) Екатерина сама свидѣтельствуетъ, что бывший канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ (еще при Елисаветѣ вполне оцѣнявшій ея царственныя способности) имѣлъ намѣреніе предложить ей вступленіе въ бракъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ *). Это было въ Москвѣ, въ Маѣ 1763 года, на одиннадцатомъ мѣсяцѣ Екатерининскаго царствованія. Въ то время здоровье наследника престола, великаго князя Павла Петровича, было ненадежно: если бы онъ скончался, положеніе только что установленнаго правительства сдѣлалось бы весьма затруднительно. Впрочемъ, кому царствовать въ Россіи послѣ Екатерины грозно возникалъ въ умахъ государственныхъ людей. Не вызывать же было на свѣтъ Божій бывшаго императора Ивана Антоновича, который хотя и не былъ вполне лишень разсудка (какъ недавно обнаружено С. М. Соловьевымъ по донесеніямъ караульныхъ офицеровъ), но по своему воспитанію и понятіямъ, за одно съ братьями и сестрами, былъ вовсе не способенъ къ самодержавному правленію? Между тѣмъ существовалъ законъ Петра Великаго, гласившій о томъ, что царствующему государю принадлежить право выбрать себѣ въ наследники кого ему заблагоразсудится. Бестужевъ и многіе другіе дѣтели первыхъ годовъ Екатерининскаго времени жили подъ этимъ закономъ: въ царствованіе Петра Великаго они сами присягали на соблюденіе этой „Правды воли Монаршей“. ....Волненіе въ умахъ не замедлило обнаружиться. Составился тотчасъ первый противъ Екатерины заговоръ, имѣвшій цѣлью истребленіе Орловыхъ. Къ счастью, 9-ти лѣтній наследникъ престола выздоровѣлъ, и памятникомъ его выздоровленія осталась въ Москвѣ Павловская больница (за Серпуховскими воротами)....

---

*) Есть преданіе, что мысль о бракѣ съ графомъ Орловымъ была не только предложена, но и обсуждаема въ тогдшнемъ (весьма малолюдномъ) Государственномъ Совѣтѣ, и что графъ Н. И. Панинъ, когда пришла его очередь высказать мнѣніе, отозвался такъ: „Государыня безъ сомнѣнія вольна поступить какъ ей угодно; но графиня Орловой нельзя быть императрицею Всероссійской“. Произнося эти слова, графъ Панинъ стоялъ у стѣны и выпрямился во весь ростъ. На стѣнѣ оставались потомъ бѣлыя пятна отъ осмыпавшейся съ головы его пудры, и въ послѣдующія засѣданія Совѣта члены онаго нарочно терлись объ эти пятна, говоря въ шутку, что они набираются Панинской отваги и твердости въ отвѣвахъ.

Алексѣй Григорьевичъ Бобринской родился за годъ передъ тѣмъ, въ царствованіе Петра III-го, въ 1762 году, 11 Апрѣля, въ Четвергъ на Святой недѣли, черезъ нѣсколько дней по переѣздѣ двора изъ стараго зимняго дворца (теперь домъ Елисеева у Полицейскаго моста) въ нынѣшній зимній, тогда едва отстроенный. Поспѣшный переѣздъ и общая праздничная суматоха не дозволяли порядка. Рассказываютъ, что когда наступилъ часъ появленію на свѣтъ Бобринскаго, Василій Шкуринъ, давній повѣренный и рачитель тайнъ его матери, рѣшился зажечь собственный домъ гдѣ-то на концѣ Петербурга, дабы отвлечь постороннихъ лицъ на пожаръ и тѣмъ выиграть родильницѣ минуты для разрѣшенія отъ бремени. 6 Августа 1762 года Шкуруину и женѣ его Аннѣ Григорьевнѣ пожаловано 1027 душъ, при чемъ употреблено выраженіе: „для незабвенной памяти нашего къ нему благоволенія“, а 28 Юня 1763 (т. е. на день воцаренія) „за особливую, долговременную при насъ службу и отличную къ намъ вѣрность“, бригадиръ Шкуринъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, и поручено ему „главное надзираніе надъ всѣми нашими собственными казенными“, т. е. надъ владовыми (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ. VII, 133 и 301). Такъ называемые *Делсы*, помѣстье съ оригинальнымъ домомъ по Петергофской дорогѣ, нынѣ владѣніе княгини Е. Э. Трубецкой, принадлежало Шкуруину. Покойная графиня А. М. Толстая (урожд. Хилкова, воспитывавшаяся въ домѣ Козодавлева), передавала, что Бобринской въ младенчествѣ своемъ считался младшимъ сыномъ этого Шкуруина и вмѣстѣ съ двумя настоящими сыновьями былъ отправленъ на воспитаніе въ Лейпцигъ; что къ этимъ младенцамъ присоединили *семилѣтняго* О. П. Козодавлева (впоследствии министра внутреннихъ дѣлъ), и что всѣ они возвратились въ Россію, пробывъ въ чужихъ краяхъ 15 лѣтъ (Р. Арх. 1870, стр. 1775). Козодавлевъ род. въ 1755 году, стало быть, если показаніе графини Толстой вѣрно, то Бобринской въ самый годъ рожденія увезенъ въ Германію и вернулся оттуда въ 1777 году. Такимъ образомъ Лейпцигскій пансіонъ, гдѣ потомъ получило воспитаніе нѣсколько человѣкъ изъ Русскаго дворянства, и въ томъ числѣ Радищевъ, возникъ ради Бобринскаго, и сей послѣдній получилъ первоначальное образованіе Нѣмецкое. Знаменитый впоследствии баронъ Гриммъ принялъ участіе въ этомъ образованіи, и тутъ начало его сношеній съ императрицею Екатериною.

По возвращеніи на родину видимъ Бобринскаго кадетомъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, находившагося тогда подъ начальствомъ *Бецкаго*. Положеніе его въ корпусѣ и дальнѣйшія событія его жизни видны изъ сохранившагося послѣ него Дневника (который будетъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ) и по нижеслѣдующимъ письмамъ къ нему Еватерины, Бецкаго, графа Завадовскаго и другихъ близкихъ къ нему лицъ. У него было два генія, злой и добрый. Первымъ служилъ извѣстный Неаполитанскій путешественникъ Рибасъ, вравшійся въ довѣренность Бецкаго и потомъ овладѣвшій имъ посредствомъ женитьбы на лѣвой его дочери Настасьѣ Ивановнѣ Соколовой. Геніемъ добра, попечительно охранявшимъ нравственность Бобринскаго, былъ другой воспитатель Кадетскаго Корпуса, Страсбургскій уроженецъ Лѣхнеръ. Бобринской кончаетъ ученіе свое въ корпусѣ 20 лѣтъ отъ роду; ему пожалованъ гербъ, положенъ на его имя значительный капиталъ изъ доходовъ обширныхъ, ему предназначенныхъ (Бобриковской и Богородицкой) волостей, и 29 Мая 1782 года Бецкій обращается ко всѣмъ намѣстникамъ имперіи съ бумагою, въ которой сказано: „Имя высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе касательно до путешествія по Россіи четырехъ господъ, вышущенныхъ изъ кадетскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Корпуса, лейбъ-гвардіи поручиковъ: Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, Алексѣя Ульяновича

Болотникова, Николая Сергѣевича Свѣчина и Николая Ивановича Борисова и отправленнаго съ ними господина полковника Алексѣя Михайловича Бушуева, во время проѣзда по губерніи вами управляемой, препоручаю ихъ вспомошествованію вашего превосходительства, къ удовольствованію ихъ любопытства, приобретающаго имъ полезнѣйшія о своей землѣ познанія. При нихъ ѣдетъ и г. профессоръ Озерецковской* (Р. Арх. 1865, изд. 2-е, стр. 893).

Изъ товарищей молодого путешественника Свѣчинъ (супругъ известной Софьи Петровны) былъ при императорѣ Александрѣ генералъ-провіантмейстеромъ, а Болотниковъ однимъ изъ дѣятельныхъ сенаторовъ. Но самому Бобринскому ученіе и путешествія долго не приносили прямой пользы. Екатерина, 13 Іюля 1786 года, приказывала Бецкому, чтобы чрезъ придворнаго банкира Сутерланда доставляли гвардіи секундъ-ротмистру Бобринскому, при началѣ каждой трети года, по десяти тысячъ рублей въ то мѣсто, гдѣ онъ находится будетъ. Деньги не могли удержаться у молодого человѣка. Онъ сыпалъ ими. Пылкое, довѣрчивое сердце еще не умѣло сдерживать своихъ молодыхъ порывовъ. Парижскіе игроки и другіе проходившіе не замедлили воспользоваться его прямодушіемъ и широкимъ образомъ жизни. Онъ сблизился съ такимъ же гулякою, маркизомъ Вертильякомъ, который долженъ былъ тайкомъ уѣхать въ Лондонъ, избѣгая заключенія въ Бастилію. Бобринской повѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Это было позднею осенью 1787 года. Въ это время встрѣтилъ его въ Лондонѣ отправленный туда курьеромъ отъ нашего двора графъ Е. О. Комаровскій, который такъ описываетъ эту встрѣчу въ своихъ Запискахъ: „Однажды, по утру рано, пришелъ ко мнѣ графъ Бобринской. При видѣ встревоженнаго на немъ лица, я спросилъ у него о причинѣ столь ранняго прихода ко мнѣ. Онъ бросился ко мнѣ на шею и почти со слезами сталъ убѣдительно меня просить ѣхать съ нимъ въ Парижъ на нѣсколько дней, ибо знакомая ему особа внезапно туда уѣхала, а безъ нея онъ жить не можетъ. Я ему сказалъ, что охотно бы это исполнилъ, но что не завизу отъ себя и безъ позволенія министра *) никуда отлучиться не могу. Онъ былъ въ такомъ изступленіи, что почти ничего не понималъ, что я ему говорилъ и твердилъ только одно, чтобы я ѣхалъ непременно съ нимъ. Къ счастью моему въ это время пришелъ ко мнѣ Левашовъ, котораго графъ Бобринской нѣсколько уважалъ, и наслушавшись его, что онъ не вправѣ требовать такой отъ меня жертвы. Изъ Лондона выѣхать можно когда угодно: стобѣтъ только послать за постъ-шезомъ, что графъ Бобринской и сдѣлалъ. Черезъ часъ его уже въ Лондонѣ не было. Графъ Бобринской былъ ротмистръ конной гвардіи; онъ писалъ въ Петербургъ и просилъ, чтобы позволено ему было, по случаю войны, возвратиться въ Россію и служить въ полкахъ, употребленныхъ противъ непріятеля; этому предложенію были очень рады, ибо давно желали возвращенія его. Онъ опять началъ просить ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даже объяснилъ на этотъ счетъ съ графомъ Воронцовымъ. Мнѣ самому этого хотѣлось, но къ счастью моему случилась нужда послать изъ Лондона въ Россію курьера, и меня отправили. Я говорю къ счастью моему, ибо графъ Бобринской только что пріѣхалъ на нашу границу, какъ тамъ приказано было отвезти его въ Ревель и оставаться въ томъ городѣ впредь до повелѣнія, гдѣ онъ и прожилъ до восшествія императора Павла на престолъ. Что же бы со мною тогда случилось, какъ съ его сопутникомъ?“ (XVIII-й Вѣкъ, кн. I, стр. 331).

*) Т. е. нашего посла, графа С. Р. Воронцова.

Это было въ самомъ началѣ 1788 года. Надъ молодымъ проказникомъ назначенъ опекуномъ человекъ, нѣкогда очень близкій къ Государынѣ, графъ П. В. Завадовскій, и скоро добрыя природныя качества взяли верхъ надъ увлеченіями. Бобринской написалъ къ Екатеринѣ письмо, съ изъявленіемъ раскаянія, и она отвѣчала ему удивительнымъ письмомъ, въ которомъ изобразила ему самаго его какъ въ зеркалѣ. Кажется, что до самой кончины Екатерины Бобринской оставался въ Эстляндіи. Благодаря попеченіямъ графа Завадовскаго, дѣла его пришли въ должный порядокъ. Онъ остепенился, сталъ самъ заботиться о своемъ благосостояніи, купилъ себѣ имѣніе Оберь-Паленъ, свелъ знакомство съ мѣстнымъ дворянствомъ и въ началѣ 1796 года женился на женщиѣ отмѣннаго ума и сердца, баронессѣ Аннѣ Владиміровнѣ Унгернъ-Штернбергъ (род. 9. Января 1769, ум. 28 Марта 1846). Сохранилось преданіе, что вскорѣ послѣ свадьбы Бобринскому и его супругѣ дозволено было пріѣхать въ Петербургъ, и что Государыня, съ отмѣнною нѣжностью приблизивъ молодую къ колѣнямъ своимъ, сказала ей мужу нѣсколько заботливо-наставительныхъ словъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, положеніе Бобринскаго внезапно измѣнилось. 11 Ноября 1796 года генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ объявляетъ ему, по высочайшей волѣ, что онъ „пріѣхать въ С. Петербургъ и изъ онаго выѣхать можетъ свободно, когда ему заблагоразсудится“.

Изъ этого надо заключить, что до того времени графъ Бобринской продолжалъ находиться подъ особымъ надзоромъ, не смотря на свою женитьбу.

Бобринской посѣщилъ въ Петербургъ, откуда написалъ къ своей молодой супругѣ, только что разрѣшившейся отъ бремени, слѣдующія два письма, по прочтеніи которыхъ припомнилось намъ выраженіе Пушкина, что если несчастье называютъ хорошею школою, то счастье есть лучшей университетъ: прекрасное сердце, выражающееся въ этихъ письмахъ, свидѣлствуетъ, что взысканный неожиданнымъ счастьемъ былъ достоинъ его.

„Сиб. 17 Ноября 1796.

„Начну, моя милая, съ вопроса о твоемъ здоровьи, которое меня озабочиваетъ. Ты конечно уже слышала обо всѣхъ милостяхъ. Изъ нихъ самыя значительныя, безъ всякаго моего участія, оказаны мнѣ. 12 Ноября я и нашъ малютка ¹⁾ сдѣланы графами Россійской имперіи, и Императоръ пожаловалъ мнѣ Бобриковскія и Богородицкія земли и, какъ мнѣ передавали, еще другія, вдвое болѣе богатая. Меня увѣряли, что всѣ эти щедроты изліялись по собственному его побужденію. Коль скоро это правда, то я вдругъ сдѣлался большимъ бариномъ, а ты, моя милая, большою госпожею. Когда приходитъ счастье, оно, какъ видно, приходитъ вдругъ. Я говорилъ только съ однимъ человекомъ, который мнѣ показывалъ копію съ двухъ императорскихъ указовъ по этому предмету, отъ 12 Ноября. Если это такъ, то, изъ благодарности, я попрошусь въ служ-

¹⁾ Этотъ первенецъ умеръ въ младенствѣ. Второй сынъ графа Бобринскаго, славный дѣятель Югозападнаго края, графъ Алексѣй Алексѣевичъ, которому воздвигнутъ памятникъ въ Киевѣ, родился въ Январѣ 1800 года (См. о немъ статью князя П. А. Вяземскаго въ Русскомъ Архивѣ 1868 года).

бу. Ты станешь на это сердиться; но, мой милый другъ, за такія милости, оказанныя Императоромъ по собственному побужденію, мало пожертвовать спокойствіемъ: даже самая жизнь, которая всего дороже, будетъ посвящена ему на служеніе. Между тѣмъ я полагаю, что ты находишься подъ покровительствомъ Божиимъ и что пришедшее ко мнѣ счастье есть слѣдствіе того, что ты моя жена: ты ни въ чемъ невиновна, и такъ какъ самоё тебя наградить нечѣмъ, то Богъ награждаетъ тебя, заливая на мужа твоего благодѣянія, на которыя онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права. Дружески и почтительно цалую объ твои руки и съ уваженіемъ остаюся твой другъ

„Алексѣй Бобринской“.

„Поговоривъ съ разными лицами, у которыхъ мнѣ надо освѣдомиться и удостовѣрившись въ томъ, что Императоръ жалуетъ мнѣ домъ, гдѣ жилъ князь Орловъ, я тотчасъ пошлю нарочнаго просить тебя, чтобы ты пріѣхала и вступила во владѣніе нашимъ счастьемъ; но только пожалуста пріѣзжай тогда одна и съ одною служанкою и возьми съ собою капрала, чтобы дорогою не было тебѣ неприятностей. Если правда, что я тебѣ написалъ и о чемъ говорилъ, то Оберъ-Палень будетъ принадлежать тебѣ лично“²⁾).

²⁾ St. Pétersbourg, 17 Nov. 1796.

Je commence par demander de ta santé, ma chère; car elle m'intéresse. Vous avez appris certainement toutes les grâces qui ont eu lieu et parmi lesquelles j'ai été, sans y avoir contribué, le mieux partagé. Du 12 Novembre j'ai été fait comte de l'Empire de Russie, ainsi que le petit, et l'Empereur m'a donné les terres de Bobriki, de Bogoroditzk, et y a ajouté encore des terres, à ce qui m'a été dit, encore deux fois plus considérables. Toutes ces générosités ont eu lieu, à ce qu'on m'a assuré, de son propre mouvement. Me voilà, si cela est vrai, tout-à-coup grand seigneur et toi, ma chère amie, grande dame. Quand le bonheur vient, il paraît qu'il vient tout-à-coup. Je n'ai parlé qu'à un seul homme qui m'a montré par écrit une copie de deux ukazes à ce sujet de l'Empereur, du 12 Novembre. Si cela est, je demanderai en reconnaissance d'entrer au service. Tu en sera fâchée; mais, ma chère amie, pour de telles bontés de l'Empereur de son propre mouvement c'est trop peu que de sacrifier son repos, et même la vie qui est le bien le plus précieux sera à son service. En attendant je crois que Dieu te protège et que le bonheur qui m'arrive soit une suite de ce que tu es ma femme: tu n'a point fait des péchés, et puisque tu ne peux être recompensée pour toi-même. Dieu te recompense en versant sur ton mari des bienfaits auxquels il n'a pas le moindre droit. J'embrasse avec amitié et respect tes deux mains et suis avec estime ton ami Alexis Bobrinsky.

Quand j'aurai un peu parlé avec les différentes personnes avec les quelles j'ai à parler et que je serai fort de ce qui m'a été dit que l'Empereur m'a donné la maison où le prince Orloff a demeuré, j'enverrai aussitôt un exprès pour vous prier de venir prendre possession de notre bonheur; mais ayez la bonté seulement de venir alors seule et avec une fille de chambre, et prenez alors le caporal pour que vous n'ayez point de désagremens en chemin.—Si cela est vrai ce que je vous écris et ce qu'on dit, alors la terre d'Oberpahlen vous appartiendra en propre.

Человѣкъ, о которомъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ графъ Бобринской, есть по всему вѣроятію Лондонскій знакомецъ его графъ Ростовичинъ, пользовавшійся въ то время неограниченнымъ довѣріемъ Государя. Для Ростовичина жизнь въ Лондонѣ была лучшимъ воспоминаніемъ молодости, и по всему вѣроятію онъ передалъ императору Павлу о прекрасномъ сердцѣ и благородномъ образѣ мыслей графа Бобринскаго. Черезъ день графиня Бобринская получила отъ мужа новое извѣщеніе.

„Спб. 19 Ноября (1796). Четвергъ.

„Милый и почтенный другъ. Вчера, въ 7½ часовъ утра, я представлялся Императору, моему Государю. Онъ принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ и назначилъ шефомъ четвертаго конногвардейскаго эскадрона. Черезъ два дня я вступаю во владѣніе нашимъ домомъ. Я представлялся также императрицѣ, великимъ князьямъ Александру, Константину и Николаю, моему шефу, также великимъ княгинямъ, ихъ сурругамъ и сестрамъ. Я ходилъ къ тѣлу покойной Государыни и поцаловалъ у нея руку. Милый другъ! Если я сколько нибудь счастливъ этимъ милостивымъ приемомъ, то приписываю это единственно покровительству Божію, которое всегда поблагого Господа за всѣ милости, ниспосылаемыя твоему мужу. Моли Его, чтобы Онъ далъ твоему мужу болѣе крѣпкаго здоровья, дабы служить новому моему Благодѣтелю съ усердіемъ и пользою, которыхъ онъ въ такомъ правѣ отъ меня ожидать. Позабылъ сказать тебѣ, что вчера я былъ приглашенъ къ Императору на обѣдъ, гдѣ и обѣдалъ. Всѣ глядѣли на меня такими удивленными глазами, не зная, чему приписать мое появленіе. За обѣдомъ, Императоръ и императрица нѣсколько разъ говорили со мною, и внезапно взоры всѣхъ присутствующихъ устремлялись на меня. Всѣ говорили: „ахъ, господинъ бригадиръ, я имѣлъ честь знать васъ тамъ-то или тамъ-то“, и всѣ оказывали мнѣ величайшія любезности, тогда какъ половины изъ числа этихъ людей я вовсе не знаю. — Завтра переѣзжаю въ нашъ домъ, гдѣ я занялъ три комнаты. Прости, мой добрый другъ. Всѣ дворы похожи между собою. Когда несчастливъ, никто объ тебѣ не думаетъ и всѣ отъ тебя отворачиваются; а когда приходитъ счастье, всѣ любезничаютъ. Но я отнюдь не увлекаюсь всѣми заявленіями столькихъ лицъ“ 3).

3) 19 Novembre. Jeudi. St. Pétersbourg.

Ma chère et respectable amie. J'ai été présenté hier à 7½ heures du matin à l'Empereur, mon Maître, qui m'a fait l'accueil le plus gracieux et m'a nommé chef de quatrième escadron des gardes à cheval. En deux jours je prends possession de notre maison. J'ai été présenté de même à l'impératrice, aux grands-ducs Alexandre, Constantin et Nicolas, qui est mon chef, ainsi qu'aux grandes duchesses leurs épouses et grandes duchesses leurs soeurs. J'ai été voir le corps de la défunte Souveraine, à laquelle j'ai baisé la main. Ma chère amie! Si j'ai tant soit peu de bonheur en ce gracieux accueil, je ne l'attribue qu'à la Protection dont Dieu a toujours veillé sur toi. Je te prie, remercie le bon Dieu de ton côté pour toutes les grâces qui arrivent à ton mari et prie

Къ этому же времени относятся двѣ записочки, сохранившіяся въ бумагахъ графа Бобринскаго: одна вице-канцлера, отъ 21 Ноября 1796, въ которой сказано, что Государь позволяетъ Бобринскому являться къ его столу обѣдать и ужинать, какъ ему вздумается; а другая (безъ числа), писанная графомъ Ростопчинымъ, повторяетъ ему тоже самое и приглашаетъ его явиться во дворецъ къ 6 часамъ, „въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ“. Вскорѣ Бобринскому пожалованы значительныя помѣстья въ Тульской и другихъ губерніяхъ, предназначенныя, но не отданныя ему Екатериною. Кромѣ того ему подаренъ такъ называемый Штегельмановскій домъ въ Петербургѣ, нѣкогда принадлежавшій князю Орлову. Это обширное зданіе, находящееся рядомъ съ Воспитательнымъ Домомъ, не осталось однако у Бобринскаго: онъ узналъ, что императрица Марія Федоровна желала имѣть его для своихъ челоуѣколюбивыхъ учреждений и передала его въ вѣдомство Воспитательнаго Дома. Взамѣнъ того Государь пожаловалъ ему домъ на Галерной улицѣ, нынѣ принадлежащій графу А. А. Бобринскому.

При всѣхъ этихъ милостяхъ, опекунство графа Завадовскаго не было снято, какъ читатель увидитъ ниже въ одномъ изъ его писемъ. Новый графъ не долго несъ тяжесть тогдашней военной службы и вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, но пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Государя. Павелъ писалъ къ нему письма въ Тульскую губернію, куда онъ благоразумно удалился изъ Петербурга, и Богородицкій почмейстеръ самъ привозилъ ему и вручалъ царскіе пакеты.

Дальнѣйшая жизнь графа Бобринскаго протекла безъ шума, и объ ней сохранилось немного извѣстій. Онъ проживалъ въ деревняхъ своихъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и минералогіею, а по зимамъ въ Петербургскомъ своемъ домѣ, гдѣ имѣлъ обсерваторію. Нѣкоторые Петербургскіе сторожилы еще помнятъ, какъ онъ ходилъ гулять въ старомодномъ сертукѣ и раздавалъ бѣднымъ разложенныя по карманамъ монеты, то золотыя, то серебряныя, то мѣдныя, смотря по лицу просившаго. Говорятъ, что необыкновенная судьба его отразилась и въ его характерѣ. Онъ имѣлъ странности: носилъ затасканное платье, спалъ по разнымъ комнатамъ.... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія его занимала мысль о личномъ помѣстьи императрицы Екатерины, мѣстечкѣ Еверъ, въ Ольденбургѣ: ходилъ слухъ, что Государыня завѣщала его графу Бобринскому, и что Нѣмецкіе князья отказались при этомъ отъ владѣльческихъ родовыхъ правъ своихъ.

qu'Il donne à ton mari la santé un peu plus continue pour pouvoir servir mon nouveau Bienfaiteur avec le zèle et l'utilité dont il a tant de droit de prétendre de ma part. J'ai oublié de te dire qu'hier j'ai été invité chez l'Empereur à dîner, où j'ai aussi dîné. Tout le monde m'a regardé, avec des yeux si étonnés qu'ils ne savaient à quoi attribuer mon apparition. L'Empereur, ainsi que l'impératrice m'ont à table adressé à différentes reprises la parole, et tout-à-coup les yeux de tous les assistans se fixèrent sur moi, et tout le monde se disait: ah, monsieur le brigadier, j'ai eu l'honneur de vous connaître là bas. D'autres dirent: là bas, et tiens, tout le monde me disait avoir les plus grandes amitiés, dont la moitié je ne connaissais point. Demain j'entre en notre maison, où j'ai pris trois appartemens. Adieu, ma bonne amie. Toutes les cours se ressemblent. Quand on est dans le malheur, personne ne pense à vous et vous fait des grimaces, et quand le bonheur vient, alors tous le monde vous fait des complimens et amitiés; mais je ne me laisse point à toutes les démonstrations de tant d'individus.

По порученію графа Бобринскаго нѣкто Альбаумъ ѣздилъ отыскивать это замѣчательное письмо въ архивахъ Гамбурга, Гельмштета и другихъ сѣверогерманскихъ городовъ; но поиски не привели ни къ чему. Точно также безуспѣшно было желаніе графа Бобринскаго получить изъ Англійскаго банка большія деньги, яко бы положенныя нѣкогда на его имя княземъ Г. Г. Орловымъ. По этому случаю возникло цѣлое дѣло, которому оказывалъ милостивое содѣйствіе самъ государь Александръ Павловичъ, и уже по кончинѣ графа Бобринскаго производились розысканія дипломатическими лицами; но за неотысканіемъ самаго банковаго билета оно кончилось ничѣмъ.

Графъ А. Г. Бобринской скончался 20 Іюня 1813 года въ своемъ помѣстьи подъ городомъ Богородицкомъ, гдѣ и похороненъ.

Любопытно, что въ бумагахъ графа Бобринскаго сохранился въ спискѣ рескриптъ Екатерины отъ 20 Мая 1773 года князю Г. Г. Орлову, коимъ онъ, по возстановленіи здоровья, приглашался вступить вновь въ управленіе должностей своихъ. Тутъ же на оборотѣ листка и Нѣмецкій переводъ этого рескрипта, столь важнаго въ домашней жизни Екатерины II-й. Бобринскому тогда было 11 лѣтъ, и если не онъ самъ, то его Лейпцигскіе дядьки должны были слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ, чѣмъ кончится размолвка Государыни съ давнимъ другомъ ея.

Достоинъ замѣчанія, что заботы о Бобринскомъ поручены были Бецкому. Это еще разъ свидѣтельствуетъ объ особенно близкихъ отношеніяхъ Екатерины къ Бецкому. Екатерина питала къ нему дочернее уваженіе. Онъ былъ ея старше на 26 лѣтъ и могъ знать ее съ самаго рожденія, выдавъ съ ея родителями въ Штетинѣ и Гамбургѣ. Прибывъ въ Россію въ 1744 году, Екатерина съ матерью почти ежедневно видала Бецкаго, жившаго у сестры своей принцессы Гессенгомбургской, гдѣ проживалъ тогда и отецъ его, престарѣлый князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. Очень можетъ быть, что Трубецкіе подѣйствовали на Елизавету Петровну въ пользу принцессы Ангальтсербской, когда рѣшался вопросъ о выборѣ супруги наследнику Россійскаго престола. По смерти Екатериныной матери, Парижскіе займодавцы ея обратились за уплатою ея долговъ къ Бецкому. Дочь Бецкаго (весьма замѣчательный сходствомъ съ Екатериною портретъ ея сохранился въ Одессѣ у М. О. Рибаса) сопровождала Екатерину изъ Петергофа раннимъ утромъ 28 Іюня 1762 года. Изъ Записокъ Порошина видно, что по воцареніи Екатерины Бецкій сдѣлался у нея вполнѣ домашнимъ человекомъ. У Бецкаго былъ секретаремъ Шведъ Марко Ивановичъ Хозиковъ (мать Бецкаго была Шведка, баронесса Вреде), пользовавшійся особеннымъ его довѣріемъ; онъ одинъ могъ оставаться при Бецкомъ въ то время, когда посѣщала его Екатерина, и у внуковъ Хозикова сохранилось вполнѣ опредѣлительное семейное преданіе, что, входя въ комнату къ Ивану Ивановичу, Государыня обыкновенно целовала у него руку. Узнавъ, что дочь Бецкаго, Н. И. Рибасъ мучилась въ родахъ, Екатерина не дождалась пока запрягутъ ей карету, поскакала на извощичьихъ лошадяхъ и лично исправила должность повивальной бабушки (Р. Арх. 1870, стр. 2080). Такъ сильна была въ ней приверженность къ Бецкому. Бумаги Бецкаго и любопытные рассказы о немъ И. С. Горголи, женатаго на его внука, напечатаны въ Чтеніяхъ Москов. Общ. Ист. и Древн. 1863, кн. 4-я, куда они сообщены И. А. Чистовичемъ, отъ котораго поступила въ Р. Архивъ, чрезъ посредство Я. К. Грота, и часть нижеслѣдующихъ бумагъ, а именно на стр. 21—24. П. Б.